Про вятчан

Жили-были вятчане, хлебали …. со щами и вздумали церкву скласть, Богу помолиться, русскому Спасу поклониться… Сделали церкву как надо и стали плести колоко́л; сплели из лык превеличающий колокол и втащили его на колокольню, подвесили как должно быть. Одного выбрали ловкого позвонить. А что лышный колокол значит? Язык привязали — дубовую палку и говорят: «Вот это будет звоня́лка». Вот он залез да и ударил в лышный колокол; а у него голос щелык-перелы́к. Вятчанин и говорит: «Мал колоко́л, он просит еще сто лык». Сняли, да еще сто лык наплели. Потащили на колокольню, он и не лезет. Сняли его, в аржаную солому зарыли и огнем спалили. Старый сожгли, маненький новый сплели, пеплом помаза́ли и с маленьким колоколом все на церкву лаза́ли. Зазвонили в новый колокол. Вот он звоняет: «А щелык-перелык!» Еще не надо сто лык. Вот вятчане и говорят: «Хороший колокл!»… Поехали в поле, черну пашенку пахали, огромное поле засевали. Ну, скоро сказка сказыватся, да не скоро дело делатся; озимное засевали, зимушку без работушки лежали. Весна матушка пришла, озимь частая взошла; тепло лето пришло, аржаное поле в ход пошло; матушка рожь уросла, время жать пришло. Ехал русский мужичок, нажал русским серьпом один сноп, серьп на него положил. (А вятчане серьпами рожь не жнут: шильями колют, по одной соломине). Вот они в чисто́ поле пошли, во чистом поле, во ржах русский серьп нашли и говорят: «Сто это? Червяк?» Сошлись и ну кричать: «А сто это, братцы, на на́сыем поли за червяк проявился и ро́с на́су погрыс?» Один был у них из ловких. «А постойте-ка, я возьму дубину́, да его сразу убью!» Взял дубину́, да его по черену-то бряк! (Думал, что червяк, а ин это русский серьп). Он далеко вверх полетел и к вятчанину на шею сел, к Ивану-дурачку. Иванушка кричит: «Червяк сею грызет!» Вот один из них бежит, громким голосом кричит: «А постойте-ка, постойте, он его съест! Я тихо́хоцко его сыму». За черен схватал и вдруг потащил, у вятчанина шею отхватил. Они все испугались, из поля убежали, своей ржи не жали, и говорят: «А бегите-ка в Вя́тченский городец, бейте в лышный колоколе́ц! А сто это на на́сыем поли за червяк проявился? Ро́с на́су подъедает и людей поедает: Ваньку съел!» Один и говорит: «А цорт его знает! Не знай он в поле ти с головой был, не знай нет. А идите к бауске Догада́ихе». Побежали к баушке Догадаихе. «А бауска Догадаиха, погадай-ка про Ваньку, сто он вецор с головой был али без головы?» Баушка Догадаиха говорит: «А вецор он у меня был, кисель ел,

бородой тряс, а я головы не догадалась». — «Ну вот сто, музыцки́, давайте-ка попа искать». Вот пошли двое путем-дорогой, попадается им мужичок; спрашивают его вятчане: «А куды музыцок, идёс?» — «Да вот, куды в работники наняться». — «А вот, наймись-ка к нам в попы». — «Пожалуй». Они взяли и повели его в свою Вятку. Эти были от о́бчества ходоки́; собрали сходку и наняли его в попы. Это было в старинны года, тогда и работа была не дорога, за сто рублей в год. Позвонили в лышный колокол и сошлись все к обедне. Он сходил в лес, набрал березовых книг, встал середь церкви и сказал: «Слушайте, вятча́не, буду вам читать!» — «Цытай, бацка!» — «А вят-ча-не ду-ра-ки-и наняли мужика в по-пы, сто рублей в го-о-д! Он грамоте не у-ме-и-т, пошел в лес, набрал бе-ре-зо-вых ко-жу-у-р! Ничего он не зна-а-т и вот то грамотник чи-та-ат!.. Что, вятчане, хорошо ли?» — «Хоросо, хоросо, бацка!» Кланяются ему. «Ну, ступайте обедать!» И пошли все обедать.

Идут дорогой и говорят: «Ай, бацка хороса! Опедню-то по́льно скоро слузы́л!» Шли, шли от обедни: «Айдате, братцы, на капак, с радости выпьем! Бацка хорос попался!» Взошли в кабак, подали целовальнику по гривне. Он им налил по грошо́вому стакану. Вышли из кабаку, пошли домой обедать и говорят: «Тут то, прат, ты ничего не знас? Ведь целовальник испука́лся: мы ему отдали по гривенной, а он нам дал по гросо́вой».

(Абрам Новопольцев)

Сказки и предания Самарского края. Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым. С.-Петербург, 1884.